

## **КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ЭПОХИ «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА» (1945–1953)<sup>1</sup>**

*Коновалов Александр Борисович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: konab@list.ru

Статья посвящена проблемам выражения региональных интересов в сфере культуры партийным руководством краев и областей Западной Сибири. На основе широкого круга архивных документов реконструируется механизм взаимоотношений высшей и региональной партийно-государственной номенклатуры по вопросам создания и развития учреждений социокультурной сферы. Автор использовал новейшие результаты теоретических исследований по проблемам культурных потребностей, отметив необходимость их рассмотрения в контексте социально-экономических условий, политической конъюнктуры, субъективных представлений функционеров органов государственного управления.

В исследовании представлены позиции первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б)-КПСС по обоснованию иерархии культурных потребностей регионов Сибири. Автор анализирует специфику социальных изменений в регионах Западной Сибири и отмечает нарастание диспропорций в системе материального и бытового обеспечения различных групп населения. Приводятся факты привилегий в

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социальные трансформации сибирской номенклатурной элиты ВКП(б)-КПСС: факторы, динамика, последствия (1945–1991)». Проект № 16-01-00240а.

системе обеспечения культурных потребностей партийной номенклатуры, показан низкий уровень обеспечения семей военнослужащих.

На конкретных примерах (повышение статуса Новосибирского театра оперы и балета, борьба за открытие Новосибирской консерватории, выдвижение инициатив по закреплению квалифицированных кадров в регионах Западной Сибири) показаны представления партийного руководства регионов по поводу развития социально-культурной сферы. Выявлены формы воздействия на центральные партийные и ведомственные органы (подготовка проектов постановлений союзного правительства, направление просьб в несколько адресов, использование личных контактов первых секретарей региональных комитетов партии с министрами).

В статье делается вывод о сформированном противоречии в позициях регионального и ведомственного руководства по поводу целей, ресурсного потенциала и вероятных последствий удовлетворения культурных потребностей населения Западной Сибири.

**Ключевые слова:** культурные потребности, регионы Западной Сибири, краевые и областные комитеты ВКП(б)-КПСС, первые секретари крайкомов и обкомов ВКП(б)-КПСС, партийная номенклатура.

## CULTURAL NEEDS OF THE REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN THE VIEWS OF THE PARTY LEADERSHIP OF THE “LATE STALINISM” ERA (1945-1953)<sup>2</sup>

*Kononov Aleksandr Borisovich*, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Russian History Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: konab@list.ru

The article is devoted to the issues of expression of regional interests in the sphere of culture by party leadership of regions of Western Siberia. On the basis of a wide range of archival documents it explains the mechanism of relations between central and the regional party-state nomenclature in the social and cultural sphere. The author used the latest results of theoretical studies on cultural requirements, noting the need for their consideration in the context of socio-economic conditions, political situation, subjective perceptions of the functionaries of the public administration.

The author studied role of the first secretaries of the regional committees of the CPSU in the formation of cultural needs of the West-Siberian regions. The author analyzes the specifics of social changes in the regions of Western Siberia and notes the growing disproportions in the system of material and consumer provision of various population groups. It is given the facts of privileges in the system of ensuring the cultural needs of the party nomenclature. It is shown the low level of providing families of servicemen.

Specific examples shows representations of the party leadership of regions on the development of socio-cultural sphere (improving the status of the Novosibirsk theatre of Opera and ballet, the struggle for the opening of the Novosibirsk state Conservatory, initiatives for retaining qualified personnel in the regions of Western Siberia). It is identified forms of impact on the Central party and departmental authorities (preparation of draft decisions of the Union government, requesting several addresses, using personal contacts of the first secretaries of regional party committees with ministers).

The article has conclusion about the contradiction in the positions between regional and departmental management in the goals, resource potential and probable consequences of the population's cultural needs of Western Siberia.

**Keywords:** cultural needs, regions of Western Siberia, territorial and regional committees of the CPSU first secretaries of the territorial and regional committees of the CPSU, party nomenclature.

<sup>2</sup> This article was prepared with support of epy grant RHF «Social transformations of Siberian elite of the CPSU(b)-CPSU: factors, dynamics, effects (1945-1991)». Project No. 16-01-00240a.

Проблемы формирования и реализации культурных потребностей конкретной личности, отдельных социальных групп или населения отдельного региона в целом неоднократно становились предметом специальных исследований [16]. В теоретическом плане сформировалось несколько точек зрения на структуру культурных потребностей, их соотношение с духовными и материальными потребностями. Общими признаками потребностей является осознание их как нужды, необходимости в чем-либо, которые обуславливаются способами ее удовлетворения [19]. Культурные потребности представляют собой устойчивую целостность, которая находится не только во взаимосвязи с духовной жизнью общества, но и его материальным производством [18].

Дискуссионным представляется вопрос о содержании культурных потребностей. Доктор философских наук И. Ф. Петров полагает, что они включают в себя потребность в художественно-эстетической деятельности, в освоении и создании ценностей искусства; потребность в знаниях, в самообразовании, расширении своего кругозора; нравственную потребность; потребность в отдыхе и развлечениях и другие [17, с. 72]. При этом в литературе отмечается очевидная взаимосвязь между спецификой развития социальной среды и ее влиянием на дифференциацию культурных потребностей личности или профессиональных групп. В числе факторов влияния социальной среды на культурные потребности можно выделить степень зрелости существующих в ней социокультурных отношений, уровень развития социальной группы и ее место в системе общественных отношений. Это обстоятельство определяет характер преобладающих культурных потребностей и интересов. Не следует забывать об образе и стиле мышления, которые формируются образом жизни, видами деятельности в зависимости от общего и специфического образования, приобретенного социального опыта [17, с. 81–82].

При обобщении конкретно-исторического опыта формирования и удовлетворения потребностей важно помнить, что они образуют иерархическую систему, где каждая потребность имеет свой уровень значимости. По мере осознания и реализации любой потребности одновременно происходит и закономерное изменение мотивации, вызванное данной потребностью; культур-

ные потребности реализуются по остаточному принципу [1].

Таким образом, феномен культурных потребностей как по отношению к индивиду, так и по отношению к населению целых регионов стоит рассматривать в контексте сложившихся социально-экономических условий, политической конъюнктуры, субъективных представлений функционеров органов государственного управления. В системе политической власти «позднего сталинизма» выражение региональных интересов, равно как и артикуляция культурных потребностей населения были прерогативой первых секретарей краевых (областных) комитетов ВКП(б)-КПСС. Они не только определяли расстановку приоритетов, но и стремились воздействовать на аппарат ЦК, союзно-республиканский наркоматы (министерства) с целью поддержания и расширения сети социально-культурных учреждений.

При этом в условиях первых послевоенных лет для западносибирских регионов РСФСР стоит учитывать территориальное размещение производительных сил, процессы эвакуации и резэвакуации важнейших досуговых учреждений, принятые решения по разукрупнению краев и областей [14]. Так, к примеру, по данным С. В. Зяблицевой, уже с конца 1941 года сотрудники эвакуированной в Новосибирск Третьяковской галереи стали активным субъектом выставочной работы на территории всей области, включая Кузбасс [13, с. 181].

Очевидно, что период войны для западносибирского пространства позволил не только сохранить, но и укрепить театральную-концертную и музейную инфраструктуру, кино- и радиосеть [13, с. 420]. Однако с началом возвращения в европейскую часть страны ведущих учреждений культуры и их кадров в 1944–1945 годах обострилась диспропорция между социокультурным и индустриальным потенциалом краев и областей Западной Сибири. С этого момента партийные руководители регионов стремятся воздействовать на союзно-республиканские наркоматы и ведомства с целью открытия концертно-зрелищных и учебных заведений социокультурного профиля. Другая важная задача состояла в выравнивании условий жизни научной и творческой интеллигенции, представители которой не стремились закрепиться в краях и областях Западной Сибири.

Это обстоятельство в большей степени требовалось учитывать в новообразованных регионах, административные центры которых не имели необходимой сети областных учреждений. Так, в декабре 1944 года Томский обком ВКП(б) информировал начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александра о ситуации с концертно-зрелищными организациями. Томск не имел своих постоянных драматического и музыкального коллективов. Областной комитет партии просил направить в г. Томск на постоянную работу «хороший драматический коллектив и театр музыкальной комедии из г. Новосибирска, а также помочь в ассигновании средств на восстановление здания госцирка, сгоревшего в 1941 году» [21]. Однако в этот период удовлетворения просьб не последовало.

Анализируя документы партийных органов и, прежде всего, письма в центральные органы первых секретарей краевых и областных комитетов ВКП(б), стоит признать, что в их представлениях иерархия культурных потребностей существенно отличалась от потребностей сложившейся производственно-технической и сельской интеллигенции, не говоря уже о колхозниках или рабочих промышленных предприятий. Был взят курс на реализацию амбициозных социокультурных проектов, на которые требовалось выделение значительных ассигнований и кадровых ресурсов. Эти задачи на местах было трудно реализовать, поскольку сами партийные руководители имели низкий образовательный уровень и далеко не всегда понимали необходимость поддержания сети культурно-просветительских учреждений. Например, по состоянию на 1948 год в Новосибирской области из 143 секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) с высшим и незаконченным высшим образованием было только 29 человек, не имеющих среднего образования – 62 человека, председателей райисполкомов, не имевших среднего образования, насчитывалось 28 из 48 [7].

Для руководства разукрупненной Новосибирской области в первые месяцы после окончания войны реализация культурных потребностей виделась в активном развитии музыкального искусства. 12 мая 1945 года оперой «Иван Сусанин» открылся первый сезон Новосибирского государственного театра оперы и балета. Первый секретарь Новосибирского обкома М. В. Кулагин не без гордости отмечал, что «нам удалось создать

один из крупнейших оперных театров Советского Союза, который как по масштабам, так и по качеству постановок может быть сравнимым только с Ленинградским театром имени Кирова или с Большим театром Советского Союза» [5, л. 235]. Его беспокоила ситуация с закреплением кадров и поддержанием масштабной репертуарной политики театра, в связи с чем был поставлен вопрос о приравнении созданного театра по оплате труда к Ленинградскому театру оперы и балета. На имя председателя Совета народных комиссаров РСФСР А. Н. Косыгина, хорошо знавшего Новосибирск, Кулагин направляет письмо, где обосновывает свою просьбу как необходимостью закрепления на работе в театре всего творческого состава, так и облегчением его «доформирования», а также для сохранения уже достигнутых успехов и дальнейшего развития театра.

Уже в 1945 году М. В. Кулагин настаивал на открытии в Новосибирске консерватории. Он констатировал, что действовавшая на момент окончания войны сеть средних музыкальных заведений не обеспечивала высококачественной подготовки кадров, а территориальная отдаленность от ближайших музыкальных вузов (Свердловск, Москва) является фактором «искусственно останавливающим и прекращающим дальнейший творческий рост местных кадров» [5, л. 219].

В регионах Западной Сибири наблюдались резкие диспропорции между потребностями в квалифицированных кадрах для музыкальных и театральных учреждений и возможностями их подготовки. М. В. Кулагин отмечал, что «огромный по творческим масштабам Новосибирский театр оперы и балета испытывает острую потребность в творческих кадрах» [5, л. 220]. Первый секретарь обкома в письме на имя В. М. Молотова объясняет необходимость организации консерватории еще и сложившимися традициями в проведении досуга жителями Новосибирска: «длительное пребывание ряда центральных учреждений искусства в городах Сибири обусловило исключительный рост интересов трудящихся к музыкальному искусству и значительно повысило требования, предъявляемое к нему». В условиях невозможности долгосрочного закрепления кадров в регионах Сибири Кулагин констатировал, что при общем недостатке музыкально-исполнительских кадров в СССР нельзя полагаться только на привлечение достаточного количества работников из Центра.

Новосибирское руководство просило создать консерваторию как вуз, который смог бы обеспечить подготовку музыкальных деятелей высокой квалификации для всей Сибири, Дальнего Востока и стать методическим и научным центром музыкальной культуры. Обком ВКП(б) в лице его первого секретаря просил Совет Народных Комиссаров СССР разрешить с 1 октября 1945 года открыть Сибирскую консерваторию, выделить 60 роялей, 15 комплектов деревянных и 15 комплектов медных инструментов, а также выделить фонды для нотной библиотеки [5, л. 220].

Руководители Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР просьбу отклонили, отметив отсутствие необходимых условий для успешной работы музыкального вуза. В Новосибирске не имелось среднего музыкального учебного заведения, на базе которого можно было бы организовать консерваторию и не было подготовленных профессорско-преподавательских кадров. Как отмечалось в письме С. В. Кафтанова, председателя Комитета по делам высшей школы, «привлечение к работе в предполагаемом вузе отдельных талантливых исполнителей из числа труппы вновь открытого Новосибирского оперного театра не разрешает ни в какой мере этой ответственной задачи [4, л. 116]. Другой аргумент против открытия Новосибирской консерватории состоял в том, что имевшаяся сеть музыкальных училищ в Сибири (Красноярск, Кемерово, Иркутск, Улан-Удэ) не давала необходимого контингента для обеспечения приема в консерваторию [4, л. 117]. В результате решение вопроса об открытии консерватории было отложено (ее создали только в 1956 году), но приняли решение о разветвлении музыкального училища.

Аналогичным образом развивалась ситуация и с открытием в Новосибирске театра музыкальной комедии. Еще в июле 1947 года позиция партийного лидера области была четко сформулирована и представлена в правительство. Необходимость в этом учреждении с точки зрения региональных интересов объяснялась следующими обстоятельствами: «Рост г. Новосибирска, наличие в нем ряда отдаленных промышленных районов, не имеющих своих театров и лишь эпизодически обслуживаемых выездными спектак-

лями театров, расположенных в центре города, настоятельно диктуют необходимость дальнейшего расширения сети учреждений искусств» [9]. Но и в этом случае центральные органы не пошли на компромисс. В результате длительных согласований театр музыкальной комедии открылся лишь в 1959 году. Многочисленные примеры «откладывания» подобных решений позволяют утверждать, что политика согласования региональных и ведомственных интересов в первые послевоенные годы строилась на основе принципов остаточного финансирования значимых объектов социальной инфраструктуры.

Помимо защиты инфраструктурных проектов региональные лидеры выражали беспокойство по поводу материально-бытового снабжения квалифицированных специалистов и их закрепления на территориях Западной Сибири. Партийный лидер Новосибирской области хорошо понимал необходимость поддержания научно-образовательного потенциала региона, создания необходимых условий для закрепления кадров. 14 мая 1945 года, то есть уже через 5 дней после окончания войны, М. В. Кулагин подписывает письмо на имя заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова. В документе констатировалось, что «научные работники не имеют необходимого оборудования, лабораторий, новейшей отечественной и иностранной литературы и почти вовсе лишены возможности творческого роста путем участия в научных экспедициях и командировках. Многие ученые находятся в тяжелом материально-бытовом положении. Значительная часть из них не имеет благоустроенных квартир, плохо снабжаются промышленными и продовольственными товарами» [5, л. 201]. Наиболее важные вопросы, требующие решения – выделение валюты для приобретения заграничной аппаратуры, оборудования и выписки иностранной литературы, увеличение норм снабжения профессорско-преподавательского состава, работников библиотек, вузов и лаборантов научно-исследовательских и высших учебных заведений. Для закрепления кадров, работавших в Сибири, предлагалось установить надбавку к заработной плате не менее 50 % основной ставки, сокращенный срок выслуги и повышение «академической пенсии» в сравнении с проживающими в европейской части СССР, более длительные очередные отпуска. Также предлагалось установить и про-



грессивную надбавку к зарплате за 10, 15, 20 лет непрерывной работы, причем величина надбавки за работу в Сибири должна быть относительно выше, чем в «центральных городах» СССР.

По предложениям Кулагина в московских ведомствах возникли серьезные разногласия. С одной стороны, позицию первого секретаря Новосибирского обкома партии поддержал председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы Кафтанов. В условиях сохранения карточной системы он считал необходимым оказать помощь научным работникам, обеспечить выдачу промтоварных лимитных книжек профессорам, доцентам, старшим научным сотрудникам по 1000 рублей, а преподавателям, ассистентам и научным сотрудникам – по 750 рублей. С другой стороны, позиция союзных плановых органов была направлена на ограничение любых преимуществ, которые желали установить региональные руководители в Сибири и на Дальнем Востоке. В пояснении заместителя председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко, направленного 16 июня 1945 года В. М. Молотову, в тот период курировавшему в правительстве социальные вопросы, отмечалось, что Госплан СССР не считает возможным вносить в существующее законодательство изменения, касающиеся научных работников Новосибирска.

Реализация культурных потребностей на территории была невозможной без создания необходимых условий по закреплению высококвалифицированных кадров. Это становится еще более очевидным, если посмотреть на ситуацию со снабжением других социальных групп – сельской интеллигенции, демобилизованных военнослужащих, вдов, инвалидов войны и т. д. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев информировал М. В. Кулагина о том, что в народный комиссариат земледелия СССР поступали многочисленные жалобы агрономов, ветеринарных врачей, которые не могут купить обувь, белье, одежду, а также продовольственные товары. Андреев полагал, что «если обком ВКП(б) внимательно отнесется к нуждам этих людей, то безусловно можно изыскать возможности выделения промышленных и продовольственных товаров за счет отпускаемых области фондов и местных ресурсов. Это ведь цвет советской интеллигенции в деревне и наши первые помощники в деле проведения политики партии» [4, л. 175]. Другой

источник получения информации о жизненном уровне – материалы военной цензуры Наркомата государственной безопасности СССР – недвусмысленно показывал колоссальные трудности с получением необходимых материальных благ в среде участников войны и их семей. В Новосибирский обком партии был представлен обзор выдержек из перлюстрированных писем, которые отправлялись военнослужащим из Новосибирска. Характерными были такие отклики: «5.XI.45. ...Очистили Родину от врага, приехал домой и сейчас живи как хочешь, помощи никакой нет. Приехал в одной шинели, ничего не имею, дома дети голые, сын не учится, так как одевать совершенно нечего, государство не оказывает помощь»; «7.XI.45 г. Нам говорили, что хорошо встретят, но ничего не было. Даже в дороге не добьешься куска хлеба получить по талонам. Приехали домой и здесь хлеба нет, на трудодни колхозники не получили ни грамма, все раздетые, живут плохо»; «9.XI.45 г. ...Нам говорили, что приедем на место, будет оказана помощь, но здесь ничего нет, дали карточку на хлеб по 500 г. в день и больше ничего. Приехали в оборванном обмундировании, дома одежды никакой нет, семья за 4 года все прожила, приехал я почти голый» [4, л. 230–231].

На этом фоне можно увидеть, что привилегированной группой по части материального снабжения и проведения досуга являлся партийно-советский актив. Сохранившееся от 13 января 1946 года письмо наркому легкой промышленности СССР С. Г. Лукину содержало просьбы о выделении городскому активу Новосибирска 200 кожаных пальто, улучшенных сортов трикотажных и швейных изделий, мужской и женской модельной обуви. Также партийные функционеры просили выделить папиросы улучшенных сортов и улучшенные сорта кондитерских изделий с московских фабрик [6]. Более доступными были и культурные блага. В Томском обкоме партии существовала практика закрытых кинопросмотров, которые организовывал местный комитет профсоюзной организации. Как отмечалось в справке председателя месткома Голикова на имя секретаря Томского обкома ВКП(б) И. А. Смольянинова о работе за период с 19 июля 1948 по 7 марта 1949 года, «почти ни одного нового кинофильма не проходит, чтобы местный комитет не организовал коллективного просмотра. В результате были просмотрены 15 кинокартин, из них «Ска-

вание о земле Сибирской», «Молодая гвардия» в двух сериях, «Повесть о настоящем человеке», «Воспитание чувств», «Александр Матросов» и другие [22]. Сложившаяся иерархия удовлетворения материальных потребностей в послевоенном советском обществе сопрягалась с принципами централизации, неравномерного распределения социальных и культурных благ в стране.

Являясь неотъемлемой частью номенклатурной системы, партийные руководители занимали амбивалентное положение в механизме осуществления политической власти. Они нередко протестовали против ведомственных решений в случае выявления их негативных последствий как для западносибирского пространства в целом, так и для удовлетворения культурных потребностей населения в частности. Например, в 1948 году Новосибирский обком ВКП(б) категорически возражал против перевода в Свердловск студии учебных фильмов, работавшей с 1926 года, хотя министерство кинематографии СССР уже подготовило соответствующий документ [10]. В подобных ситуациях партийные лидеры задействовали все имеющиеся ресурсы для сохранения status quo.

Решение многих вопросов проводилось первыми секретарями и председателями облисполкомов в период многодневных московских командировок и личных бесед с министрами, работниками аппарата ЦК партии и Госплана СССР. Для томских лидеров в конце 1949 года был подготовлен список вопросов «по идеологии, культуре и вузам, которые необходимо решать в ЦК ВКП(б) и центральных организациях» [23, л. 1–2]. В числе насущных проблем – увеличение тиража газеты «Красное знамя» с 35 до 50 тыс. экземпляров, строительство студенческого клуба со зрительным залом на 1500 мест, строительство стадиона спортобщества «Наука», дворца пионеров и радиовещательной станции, строительство и оборудование самоходного плавучего театра со зрительным залом на 400 мест для обслуживания трудящихся северных районов.

Одним из способов воздействия на центральные партийно-государственные органы стала подготовка развернутых записок о социально-культурном положении краев и областей, в которых не только констатировалось неудовлетворительное положение, но и предлагалось принятие комплексного постановления союзного правительства на среднесрочную перспективу для

устранения недостатков. По такому алгоритму действовали все первые секретари. Руководители Омской области первый секретарь обкома Румянцев и председатель облисполкома Л. И. Кузик в письме к И. В. Сталину 12 марта 1946 года отмечали, что в полумиллионном Омске «на окраинах города, где расположены крупнейшие заводы и рабочие поселки, нет ни клубов, ни кинотеатра, ни радио, ни электрического освещения и даже воды для бытовых нужд» [20]. Предлагалось принять соответствующее постановление правительства об усилении жилищного и коммунально-бытового строительства в городе Омске.

21 января 1950 года первый секретарь Томского обкома А. В. Семин в письме к Г. М. Маленкову констатировал, что «население Томска по-прежнему лишено элементарных культурно-бытовых условий» [23, л. 158]. В городе имелось всего два кинотеатра, причем основной промышленный и вузовский район города – Кировский – к 1950 году так и не имел кинотеатра. Одной из причин называлось сокращение, начиная с 1947 года, ассигнований промышленных министерств в порядке долевого участия, что привело к значительному сокращению и замедлению темпов работ по улучшению городского хозяйства.

В апреле 1950 года тюменский руководитель И. И. Афонов в записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова просил поручить министерствам, чьи промышленные предприятия находились в городе, «обязательно проектировать строительство заводов, предусматривая затраты на благоустройство социально-культурных и коммунальных предприятий города Тюмени» [12].

В октябре 1951 года новосибирские лидеры отправили обращения на имя Г. М. Маленкова и И. В. Сталина. Первый секретарь обкома ВКП(б) И. Д. Яковлев констатировал, что основные застройщики города – крупные промышленные предприятия союзных министерств – мало уделяют внимания строительству социально-культурных и бытовых учреждений, в результате чего создаются серьезные затруднения по обеспечению неотложных нужд населения [8]. Подготовленный проект постановления Совета министров СССР предполагал ликвидировать отставание городского хозяйства за период 1952–1955 годов.

С течением времени в просьбах первых секретарей региональных комитетов стала отчетливо проводиться мысль о сложившихся противоре-

чиях между индустриальным и социокультурным развитием сибирских регионов. Так, например, в ноябре 1952 года алтайский партийный лидер Н. И. Беляев отмечал, что Барнаул «значительно вырос и превратился в крупный краевой центр с высокоразвитой промышленностью, наличием высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, с большим количеством высококвалифицированной интеллигенции» [2], но при этом вопросы удовлетворения культурных потребностей населения длительное время не решались [15].

К концу периода «позднего сталинизма» в целом была сформирована западносибирская сеть культурно-просветительных учреждений и концертных организаций. Знаковым событием стало направление в ЦК партии просьб о расширении структуры аппарата региональных комитетов партии с целью оперативного руководства сферой культуры и искусства. В Новосибирской области работало 6 театров – оперы и балета, драматический театр «Красный факел», театр юного зрителя, областной драматический и кукольный театры, филармония, Сибирский народный хор и симфонический оркестр. Имелись отделения союзов советских писателей, художников, композиторов, архитекторов. Обком партии просил о создании специального отдела художественной литературы и искусства со штатом из четырех человек [11].

В это же время в Алтайском крае имелось 3 театра, филармония, 5 музыкальных школ, 80 кинотеатров, более 800 библиотек, свыше 80 городских и районных клубов, 4 музея, планетарий, 2 дома народного творчества, а также отделения союзов советских писателей, советских художников и художественного фонда СССР.

Крайком КПСС просил разрешить создать отдел науки и культуры со штатом из четырех человек с целью «более вдумчивого и квалифицированного руководства вопросами развития науки и культуры в крае» [3]. Но данные предложения в ЦК партии поддержаны не были, в управлении акцент делался на агитационно-пропагандистской сфере, частью которой рассматривались и культурно-досуговые учреждения.

Таким образом, в период так называемого «позднего сталинизма» можно наблюдать формирование двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, политико-идеологические условия послевоенного периода требовали усиления работы учреждений культуры по организации досуга, формированию сети концертно-зрелищных и просветительских организаций. Проводниками политики выступали партийные руководители регионов, которые стремились воздействовать на центральные органы и сформировать необходимую социокультурную среду. Определение иерархии культурных потребностей исходило не от социальных групп населения, а от узкого круга номенклатурных функционеров.

С другой стороны, сложившиеся механизмы финансово-бюджетной политики и выделения ассигнований на союзно-республиканском уровне нередко ограничивали создание необходимой инфраструктуры для удовлетворения региональных культурных потребностей. Западная Сибирь в послевоенный период стала наращивать диспропорции между индустриальным и социальным развитием. Попытки региональных руководителей обеспечить закрепление кадров и интенсивный рост сети культурно-просветительных учреждений не принимались во внимание на уровне ЦК партии, министерств и ведомств.

#### Литература

1. Алмакучуков К. М., Мусатов Б. В. Классификация культурных потребностей и алгоритмы удовлетворения потребностей // Инициативы XXI века. – 2013. – № 3. – С. 18–21.
2. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). – Ф. П-1. – Оп. 90. – Д. 103. – Л. 59.
3. ГААК. – Ф. П-1. – Оп. 98. – Д. 30. – Л. 24.
4. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). – Ф. П-4. – Оп. 9. – Д. 7.
5. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 9. – Д. 12.
6. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 10. – Д. 2. – Л. 6, 8, 11, 17.
7. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 12. – Д. 309. – Л. 110.
8. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 15. – Д. 2. – Л. 62, 197.
9. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 34. – Д. 257. – Л. 215.
10. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 34. – Д. 290. – Л. 2.



11. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 34. – Д. 400. – Л. 14.
12. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. – Ф. 124. – Оп. 54. – Д. 129. – Л. 97.
13. Зяблицева С. В. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х годов): моногр. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 472 с.
14. Зяблицева С. В. Эвакуация 1941–1942 годов как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири // *Вопр. истории.* – 2016. – № 2. – С. 126–136.
15. Коновалов А. Б. Инициативы региональных органов ВКП(б)-КПСС по развитию социокультурной сферы Сибири (середина 1940-х – середина 1970-х годов) // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2012. – № 19-2. – С. 54.
16. Миронова Г. Г. Культурные потребности: отечественный опыт концептуализации моделей и практик // *Вопр. культурологии.* – 2011. – № 10. – С. 73–77.
17. Петров И. Ф. Дифференциация культурных потребностей личности: социологический подход: учеб. пособие. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 151 с.
18. Петров И. Ф. Культурные потребности как целостная система // *Наука и Мир.* – 2016. – Т. 2, № 7. – С. 69–70.
19. Петрова С. И. Социальные потребности и культурные процессы: моногр. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 67.
20. Центр документации новейшей истории Омской области. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 4572. – Л. 19.
21. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 324.
22. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 239. – Л. 176.
23. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 1151.

#### References

1. Almakuchukov K.M., Musatov B.V. Klassifikatsiya kul'turnykh potrebnostey i algoritmy udovletvoreniya potrebnostey [Classification of cultural needs and algorithms for satisfying needs]. *Initiativy XXI veka [Initiatives of the XXI century]*, 2013, no. 3, pp. 18-21. (In Russ.).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State archive of the Altai Krai]*, F. P-1, Op. 90, D. 103, L. 59. (In Russ.).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State archive of the Altai Krai]*, F. P-1, Op. 98, D. 30, L. 24. (In Russ.).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 9, D. 7. (In Russ.).
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 9, D. 12. (In Russ.).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 10, D. 2, L. 6, 8, 11, 17. (In Russ.).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 12, D. 309, L. 110. (In Russ.).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 15, D. 2, L. 62, 197. (In Russ.).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 34, D. 257, L. 215. (In Russ.).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 34, D. 290, L. 2. (In Russ.).
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]*, F. P-4, Op. 34, D. 400, L. 14. (In Russ.).
12. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti [State archive of socio-political history of the Tyumen region]*, F. 124, Op. 54, D. 129, L. 97. (In Russ.).
13. Zyablitseva S.V. *Sotsiokul'turnyy potentsial Zapadnoy Sibiri i praktika ego realizatsii (1920 – seredina 1950-kh godov): monografiya [Socio-cultural potential of Western Siberia and practice of its realization (1920 - mid-1950s). Monograph]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2011. 472 p. (In Russ.).
14. Zyablitseva S.V. Evakuatsiya 1941-1942 godov kak faktor peremen v kul'turnoy zhizni Zapadnoy Sibiri [Evacuation of 1941-1942. As a factor of change in the cultural life of Western Siberia]. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 2016, no. 2, pp. 126-136. (In Russ.).
15. Konovalov A.B. *Initiativy regional'nykh organov VKP(b)-KPSS po razvitiyu sotsiokul'turnoy sfery Sibiri (seredina 1940-kh – seredina 1970-kh godov) [Initiatives of the regional bodies of the VKP (b) -CPSU on the development of the sociocultural sphere of Siberia (mid-1940s - mid-1970s)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 19-2, p. 54. (In Russ.).

16. Mironova G.G. Kul'turnye potrebnosti: otechestvennyy opyt kontseptualizatsii modeley i praktik [Cultural needs: domestic experience of conceptualization of models and practices]. *Voprosy kul'turologii [Questions of cultural studies]*, 2011, no. 10, pp. 73-77. (In Russ.).
17. Petrov I.F. *Differentsiatsiya kul'turnykh potrebnostey lichnosti: sotsiologicheskiy podkhod [Differentiation of the cultural needs of the individual: a sociological approach]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2006. 151 p. (In Russ.).
18. Petrov I.F. Kul'turnye potrebnosti kak tselostnaya Sistema [Cultural needs as an integral system]. *Nauka i Mir [Science and World]*, 2016, no. 7, pp. 69-70. (In Russ.).
19. Petrova S.I. *Sotsial'nye potrebnosti i kul'turnye protsessy: monografiya [Social needs and cultural processes. Monograph]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011. p. 67. (In Russ.).
20. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Omskoy oblasti [The documentation center of modern history of the Omsk region]*, F. 17, Op. 1, D. 4572, L. 19. (In Russ.).
21. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti [The documentation center of modern history of the Tomsk region]*, F. 607, Op. 1, D. 31, L. 324. (In Russ.).
22. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti [The documentation center of modern history of the Tomsk region]*, F. 607, Op. 1, D. 239, L. 176. (In Russ.).
23. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti [The documentation center of modern history of the Tomsk region]*, F. 607, Op. 1, D. 1151. (In Russ.).